РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 131

И.Л. БАБИЧ

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ НА СЕВЕРО-ЗАВАДНОМ КАВКАЗЕ

Москва
2000

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 131

И.Л. БАБИЧ

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Москва
2000

ISBN 5-201-14658-9(11)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 131.

Редакционная группа:
В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail ANTHPUB@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 131

И.Л. БАБИЧ

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Фонда Джона и Кэтрин Макартуров,
проект N 99-57294.

Об авторе

Ирина Леонидовна Бабич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Ее исследования посвящены изучению обычного права и религиозных верований у народов Северного Кавказа, правовой и религиозной ситуации в регионе, возрождению адата и шариата, меняющейся роли традиционных институтов в современном обществе северо-кавказских народов. Автор двух монографий, в том числе «Эволюция правовой культуры адыгов» (М., 1999).

About the Author

IRINA L. BABICH

Doctor of Science, and Senior researcher of the Department of Caucasus (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science). She is studying the legal and religious situations in the North Caucasus, connected with the legal policy of Russia in this region and the revival of some rules of *adat* and *shariat.* She is studying the changing role of blood revenge practice in contemporary Caucasian societies. Recently she published a book "The Evolution of the Legal Culture of the Adygs (1860-1990-s)".
e-mail: cipdd@ iea.ras.ru

Summary

I.L. BABICH. PLURAL LEGAL SYSTEMS OF THE NORTH-EASTERN CAUCASUS.

The North Caucasus had pluralistic legal systems, in which institutions of customary and *shariat* law were often used by Muslim, Christian or pagan peasants for local conflict resolution. This report presents the results of study of customary (the so-called *adat*) and *shariat* law in one of the republic of the North Caucasus in the 1920s-1990s as well as the official State law (Russian, Soviet and post Soviet).

Soviet historians and lawyers argued, that Soviet legal reforms of the 1920s-1930s completely destroyed Caucasian customary and *shariat* law. But after the break-up of the Soviet Union in these regions there occurred the revival of some *adat* and *shariat* institutions and practices, such as mediation, exile of murderer from his native village, as well as blood revenge. Usually the Soviet historians and lawyers considered the Caucasian *adat* and *shariat* of the 20th century as an artificial "customary law" created by Russian colonial authorities. The author rejects this notion, suggesting it is not correct. It also reconsiders a Soviet view on *adat* as an unchanging "remnant of primitive society" rooted in the archaic social structure of the Caucasian peasants. The author applies the concept of legal pluralism to contemporary rural settlements of the Caucasus.

I.L. Babich described the contemporary post-Soviet legal field in the Nort Caucasus. During the 1990s the Caucasian authorities and the politicians are gradually restricting the Soviet rules and juridical institutions on local level. Moreover, they try to set up some norms of *adat* and *shariat* law incorporating them into the local Legal codes.

Понятие *правового плюрализма* используется для обозначения правовой ситуации, при которой сосуществуют две или более правовых системы в одном и том же социальном поле. В основе данного подхода лежит идея рассматривать разные формы права, сосуществующие в одном обществе, как единую правовую систему[1]. В предлагаемой работе исследуется проблема преломления распространенной в мире идеи правового плюрализма в правовой идеологии и судебной практике на примере одной из республик Северо-Западного Кавказа - Кабардино-Балкарии.

Проблемы, связанные с преступностью и ее возможным урегулированием с помощью традиционного права, являлись для исследователей в течении нескольких десятилетий в эпоху советского уголовного права закрытыми. Отсутствие интереса к адату как к современной правовой системе в значительной мере объяснялось распространенным до ныне взглядом на кавказское обычное право как на ‘‘пережиток‘‘ прошлого[2]. И дореволюционные авторы, и советские ученые отрицали возможность развития обычного права в современном им обществе, рассматривали его как отмирающий обычай, опирающийся на институты и ценности еще доисламского времени.

Сегодня для большинства политологов, юристов, этнологов вопрос о необходимости существования правового плюрализма на Северного Кавказе уже не является дискуссионным и в целом рассматривается как мера, необходимая для поддержания стабильности и мира в этом регионе[3]. Тем не менее вопрос о том, как достичь этого, остается спорным, по моему мнению, прежде всего в силу поверхностного подхода к нему.

Для того, чтобы действительно понять необходимость формирования новой правовой идеологии и правового сознания и превратить их в практические действия, следует разобраться в уже сложившейся правовой ситуации, в ее исторических и этнических корнях.

В предлагаемой работе я пытаюсь изучить поставленную проблему с разных точек зрения, опираясь на самые разнообразные источники, во-первых, - это материалы полевой этнографической экспедиции, проведенной мной в 1998 г. в Кабардино-Балкарской Республике. В ходе ее я опрашивала сельских жителей, выбирая их по пяти критериям: этническому; половозрастному; должностному; участия в конфликтах; участия в примирении. Я интервьюировала участников медиаторских процессов, судей и заседателей советских и российских народных судов, а также представителей местной администрации, сельских учителей, религиозных деятелей. Наряду с этим я проводила опросы представителей властных структур КБР, правоохранительных и судебных органов, членов Парламента, а также работников ряда комиссий и комитетов при Президенте и Кабинете министров КБР.

Во-вторых, в работе привлечены материалы уголовных дел по убийствам и изнасилованиям (106 дел), рассмотренные Верховным судом КБР (далее - ВС КБР) в 1950-1990-е годы. Эти дела, хранящиеся в архиве суда, впервые стали доступны для исследования этнографа. В них содержатся уникальные сведения о местном традиционном праве и его приспособлении к советскому (и российскому) законодательству. Использование судебных мате-

риалов позволило мне сопоставить их с данными, полученными в ходе полевой этнографической работы.

ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

Северный Кавказ представляет собой специфический регион Российской Федерации. Проживающие в нем этносы с четко выраженными этническими традициями требуют выработки по отношению к ним особой политики российского правительства. Эта проблема стоит перед ним по меньшей мере уже два столетия.

Как известно, поворотными для взаимоотношений российского государства и народов Северного Кавказа явились 1860-е гг., когда в стране проводились всесторонние реформы как в области экономики, так и в области управления. В результате судебной реформы исторически сложившийся на Северном Кавказе полиюридизм, заключавшийся в сочетании обычного и религиозного права, модифицировался в двуединство государственного и местного адатно-религиозного законодательства. Так, кабардинский адат и шариат XIX в. были признаны официально и созданные на их основе медиаторский и шариатский суды были включены в российскую судебную систему в качестве самостоятельных судебных органов. Обычноправововые и шариатские нормы применялись также в созданных российской администрацией переходных судебных органах - горских словесных и сельских судах. Вплоть до XX в. гражданские и семейно-наследственные иски регулировались по религиозному праву, а уголовные преступления против личности и собственности - по местным адатам. Сосуществование адатно-шариатной и российской (а после 1922 г. - советской) правовых систем сохранялось до 1925 г.

Между тем процесс реформирования местного права носил ограниченный, незавершенный характер, что проявилось, во-первых, в отказе российской администрации признать институт мести как одну из форм кабардинского адата и в проведении ряда мероприятий по его ослаблению, во-вторых, в отсутствии не только сбора, систематизации или кодификации адыгских обычноправововых и шариатских норм, но и в отсутствии формулирования правил их применения как в местных (медиаторском и шариатском), так и в горских словесных и сельских судах. Этим в значительной степени объясняется, с одной стороны, наличие в местной и российской судебной практике путаницы и разнобоя в применении норм адата и шариата, а с другой, - неспособность медиаторов, духовных лиц, российских судей проводить успешную и планомерную деятельность по организации социального контроля над общинной жизнью кабардинцев. Отмечаемая судебная и, соответственно, социальная анархия - следствие несовершенной и незаконченной правовой политики российского государства на Северо-Западном Кавказе.

Кроме того, влияние шариата и адата на правовую систему пореформенной адыгской общины было различным. Еще до начала осуществления российской су-

дебной реформы идеологи введения на Северном Кавказе норм шариата не смогли укрепить свои позиции на Северо-Западном Кавказе, ограничившись восточными областями этого региона (Чечня, Дагестан). Поскольку ислам занимал в жизни кабардинцев незначительное место, шариату не удалось вытеснить нормы адата, и во второй половине XIX - начале XX в. он имел незначительную сферу применения, ограничиваясь преимущественно религиозно-этическим аспектом (*акида*), оставляя в стороне собственно правовые нормы (*фикх*). Тем не менее российское государство, видя преимущество шариата как более совершенной правовой системы, предпочитало применять его нормы в области семейных и имущественных отношений в горском словесном суде. Правда эти попытки по большей части оказывались неудачными и вносили в судопроизводство путаницу.

Правовое реформирование, проводившееся в первое десятилетие после установления советской власти включало в себя на Северо-Западном Кавказе три этапа, отличавшихся победой различных политических направлений. Одни лидеры поддерживали сохранение адата и медиаторского суда, другие - шариат, предполагая значительно расширить сферу его применения, и, наконец, третьи отстаивали точку зрения о необходимости полной ликвидации адатно-шариатного судопроизводства и формирования новых судебных институтов, основанных на советском судопроизводстве.

Первый этап формирования правового поля на Северо-Западном Кавказе характеризовался созданием формального (видимого) компромисса между советской администрацией и религиозно-адатным судопроизводством. Данная правовая политика опиралась на идею постепенной замены традиционных юридических институтов на новые, базирующиеся на советском законодательстве. Вначале в Кабардино-Балкарии были сохранены нормы адата и медиаторский суд при установлении значительного ограничения его деятельности в области подсудности рассматриваемых дел и жесткого контроля со стороны советской администрации за его деятельностью.

Одновременно с этим шел процесс создания правовой идеологии, поддерживавшей развитие шариатского судопроизводства взамен медиаторского, основанного на адате. В формировании данного направления приняли участие как представители советской администрации из Центра, так и национальные кадры, так называемых *шариатисты (панисламисты)*. И тех и других объединило стремление ограничить сферу применения уже без того в значительной степени ослабленного адата. Одним из способов ограничения адата в кабардинской общине стал отказ советской администрации выполнять ‘‘полицейские‘‘ функции, т.е. помогать осуществлять приговоры медиаторского суда, в чем были заинтересованы сторонники адата, поскольку общинные санкции в этот период оказывали незначительное воздействие на участников конфликтов. Другим способом явилось создание разветвленной сети шариатских судов разного уровня (сельского, областного, окружного). Между тем сторонники шариата потерпели поражение. Как мне представляется, в основе неудачи исламизации Северо-Западного Кавказа лежало, во-первых, сознательное выхолащивание из шариатского судопроизводства собственно основ шариата. По сути, созданные в 1920-х годах шариатские суды являлись одним из вариантов советских судов, ни-

чего общего не имеющих с шариатом. Во-вторых, при проведении данной политики не было учтено правосознание кабардинцев, которое в исследуемый период не было готово к расширению сферы применения правовых норм шариата в обществе.

Период легального существования адата и шариата закончился в 1925 г., когда были запрещены все формы традиционного судопроизводства. Начался второй этап правового реформирования, главная идея которого сводилась к попытке создания новых советских судебных институтов с использованием элементов адатно-шариатного судопроизводства, таких, как административные коллегии, третейские суды и т.д. Одновременно в этот период начали функционировать и советские народные суды, в которых применялись советские уголовный и гражданский кодексы. И те, и другие органы крайне плохо приживались в кабардинском обществе и кабардинском правосознании. Кабардинцы открыто отказывались поддерживать советские юридические институты. Основной причиной данного отторжения, как мне представляется, было чрезвычайно жесткое и резкое внедрение норм советского судопроизводства в этом регионе. Ранее российско-имперская администрация проводила судебное реформирование мягче и осторожнее, благодаря чему она сумела достичь некоторых позитивных результатов в области изменения кабардинского правосознания.

Третий период для правовой ситуации на Северо-Западном Кавказе начался во время коллективизации, когда советская власть, почувствов себя достаточно окрепшей, осуществила перелом в правовой идеологии и политике в этом регионе (1929 г.). В это время было полностью запрещено адатно-шариатное судопроизводство и внедрены основные советские судебные органы. Согласно новым лозунгам появилась ‘‘борьба с пережитками родового быта‘‘, в которые включались нормы адата, в том числе институт мести, и нормы шариата. В Кабарде было полностью запрещено использование норм адата и шариата с последующей уголовной ответственностью за их легальное и нелегальное применение. Кабардинцев заставляли рассматривать свои конфликты в созданных советской администрацией новых судебных органах.

Неприятие кабардинцами советского судопроизводства в первую очередь было связано с неприятием понятий *преступление* и *наказание*, лежащих в основе советского уголовного законодательства, а также с советской системой наказания, применявшей тюремное заключение. Правосознание кабардинцев продолжало придерживаться традиционной модели понимания преступления как причиненного имущественного или физического ущерба и необходимости его морального и материального возмещения.

После запрета в 1925 г. адата и шариата адыгам пришлось приспосабливаться к жизни в условиях единой советской судебно-правовой системы. Судебные институты и нормы адата и шариата претерпели под влиянием советских реформ сложную трансформацию. Прогнозы советских историков и юристов об ‘‘отмирании адата, шариата и других вредных пережитков старого режима‘‘ после проведения коллективизации и советских правовых преобразований не оправдались. Причем адатное правосознание, нормы и институты оказались устойчивее, чем подобные советские структуры. Начатая в конце 1920-х годов активная борьба с бытовыми преступлениями привела к тому,

что они перестали осуществляться явно, уйдя в ‘‘подполье‘‘. Результатом этого этапа становления советского судопроизводства явилось формирование системы ‘‘двойного‘‘ урегулирования конфликтов, заключавшегося в том, что каждый кабардинец, попавший в серьезный конфликт, рассматривал его одновременно в советском народном суде (что его вынуждали делать) и с помощью медиаторов (что он делал по собственному желанию).

Период 1950-1980-х годов характеризовался упрочением системы ‘‘двойного‘‘ урегулирования конфликтов и возникновением тенденции рассмотрения многих из них только с помощью медиаторов при завуалированной поддержке местных судебных институтов. Особенно эта тенденция проявилась в 1970-1980-е годы, в период ‘‘застоя‘‘, когда был значительно ослаблен центральный и республиканский контроль за правовыми органами северокавказского региона. Результатом этого этапа в Кабардино-Балкарии стала значительная трансформация советского судопроизводства, в основу которой было положено возрождение и укрепление некоторых норм адата и шариата и формирование полулегального адатно-шариатного судопроизводства.

Советские суды на Северо-Западном Кавказе, в состав которых входили главным образом национальные кадры, хорошо знакомые с местным правом, создали гибкую ‘‘советско-традиционную‘‘ правовую систему, которая, применяя нормы советского уголовного и гражданского кодексов, тесно взаимодействовала с нелегальными адатно-религиозными правовыми нормами. Можно говорить о формировании в исследуемый период одного из вариантов северокавказской идеологии правового плюрализма, в основу которого было положено использование советских, адатных и шариатских норм в рамках единого правового поля. Советский суд на Северо-Западном Кавказе, с одной стороны, применял такие нормы адата, как выселение семьи виновного, сохранял нейтральное отношение к фактам выплаты виновными компенсаций, не препятствовал виновным в изнасиловании урегулировать вопрос с помощью брака, учитывал мнение односельчан, которые принимали активное участие в советских судебных процессах: если они требовали смертной казни, суд назначал ее, если снижения срока наказания - снижали. Советский суд терпимо относился и к той роли сельчан, которую они оказывали на участников судебного процесса. Наряду с этим кабардинцы, во-первых, стали открыто использовать российскую уголовную норму - смертную казнь в качестве формы мести; во-вторых, - обращаться в советский суд как к способу оказания давления на участников конфликта для склонения их к традиционному примирению (через выплату компенсации или брак).

Возникший правовой симбиоз, взаимная правовая адаптация местных правовых норм и советского права в единой социокультурной среде позволил обоим видам права приобрести несвойственное им содержание, специфические функции и роль в обществе, способствуя значительному ослаблению криминальной ситуации в Кабардино-Балкарии в 1950-1980-е годы. Ни местные правовые нормы, ни советское право отдельно не смогли бы достичь такого результата.

Такое положение сохранялось до 1990-х годов, когда на Северном Кавказе были выработаны новые подходы к правовой политике и идеологии, выразившиеся прежде всего в попытке легализации отдельных

элементов адатно-шариатного судопроизводства.

МЕСТНАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА (АДАТ И ШАРИАТ)

Адат

У современных кабардинцев традиционное правовое сознание в значительной степени сохраняется. В его основе лежит *принцип примирения*, который способствует созданию спокойной атмосферы и направлен на сохранение миролюбивых отношений. В соответствии с кабардинским правосознанием общественными (в современном понимании этого слова) посредниками считаются *медиаторы*, выбираемые конфликтующими сторонами для примирения. Их количество варьируется в зависимости от серьезности преступления. Если было совершено незначительное преступление, то группа медиаторов может состоять из двух человек[4]. Если преступление - серьезное, выбирается пять-шесть медиаторов.

Медиаторы начинают заниматься конкретной спорной ситуацией только по заявлению пострадавшего или его близких родственников. Ответчиком может быть как сам обвиняемый, так и его близкие родственники, так как у кабардинцев сохраняются понятия о коллективной (родственной) ответственности за вину и коллективном праве представлять интересы своих потерпевших родственников.

В 1950-1980-е годы судьи из местных советских судов, хорошо знавшие кабардинские правовые традиции, не препятствовали конфликтующим сторонам рассматривать свой спор в медиаторском суде. Тем не менее, как показывают этнографические данные, если результатом конфликта было убийство, рассмотрения дела в советском суде избежать было нельзя. Виновному определяли меру наказания в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР. В то же время медиаторы занимались примирением родственников виновного и потерпевшего. В случае успеха это позволяло, во-первых, ослабить или исключить установление кровных или враждебных отношений между сторонами, и во-вторых, смягчить наказание, которое определялось советским судом[5].

В 1990-е годы правовая ситуация в Кабарде изменилась. Политика невмешательства, проводимая местными советскими властями, трансформировалась в политику частичной поддержки применения традиционных адыгских правовых норм. Поэтому в настоящее время местные судебные и административные органы не только не препятствуют кабардинцам самим выбирать ту правовую систему, к которой они хотят прибегнуть при урегулировании конфликтов, но и в ряде случаев поощряют традиционное медиаторство. Ныне большинство уголовных преступлений не поступают на рассмотрение в российские судебные органы. Медиаторские суды имеют возможность, как и прежде, разбирать все дела, связанные с причинением имущественного и физического ущерба, в том числе и с кражами частного имущества. Кроме того, в настоящее время медиаторы рассматривают такие уголовно наказуемые в российском

суде преступления, как ранение, убийство или изнасилование, как причинение физического ущерба, которое требует, согласно адату, материального возмещения, а не наказания[6].

Основой современного медиаторского судопроизводства продолжают оставаться нормы адата. Кабардинцы не проводят специального заседания медиаторов. Поэтому нет и определенного места для встречи медиаторов и участников конфликта. Как правило, для ведения переговоров медиаторы идут в дом потерпевшего.

Как и прежде, в кабардинском судебном процессе умысел не считается преступлением. Медиаторы рассматривают только уже причиненный физический или материальный ущерб. Существует у кабардинцев своего рода институт апелляции. Если выбранным медиаторам не удалось примирить стороны, то виновный и его родственники могут выбрать новых медиаторов, которые вновь через некоторое время идут к родственникам потерпевшего. Однако третий раз идти не принято[7].

При рассмотрении дел, связанных с *кражами*, медиаторы выносят решение о возвращении краденого. В определении меры наказания важное значение имеет то, какую по счету кражу совершил вор. Если он ранее уже был замечен в воровстве, то вряд ли суд закончится возвращением краденого[8].

При рассмотрении дел *о причинении физического ущерба* медиаторы руководствуются, как и прежде, кабардинским адатом и применяют следующие меры наказания: устройство виновной стороной *примирительного угощения*; подарки потерпевшей стороне; выплата компенсации; выселение семьи виновного на временное или постоянное жительство в другое место. В настоящее время, как мне представляется, данная мера трансформировалась в добровольную смену жительства. В тех случаях, когда медиаторы все же склонны применить меру принудительного выселения виновного и его семьи, они обращаются к сельскому сходу для получения на это разрешения. Как показывают мои данные, обычно сход принимает решение о выселении злостных воров или агрессивно настроенных участников драки, но такие случаи бывают редко[9].

Если во время исходного конфликта произошло *ранение*, то в кабардинской общине медиаторы вместе с виновным приходят с извинениями к семье потерпевшего, навещают его самого и приносят подарки. По выздоровлении потерпевший устраивает вечер (по-кабардински *тхьэлэly),* на который виновный приносит угощение. Иногда виновный сам устраивает традиционное *примирительное угощение* и приглашает семью потерпевшего, которая чаще всего не отказывается от такой встречи. Если физический ущерб значителен, то медиаторы предлагают семье потерпевшего денежную компенсацию. Например, если пострадавшему выбили зуб, виновная сторона оплачивает стоматологические услуги и т.п.[10]

При *неумышленных убийствах или причинении неумышленных физических увечий*, совершенных главным образом во время автомобильных аварий, виновный, как правило, всегда обращается к медиаторам за помощью в примирении с семьей потерпевшего. В таких случаях кабардинцы чаще всего охотно откликаются на просьбу, хотя семья потерпевшего не всегда соглашается на переговоры с медиаторами. Можно сказать, что до сих пор в кабардинском правосознании нет четкого разделения между совершением умыш-

ленного или неумышленного преступления. Известны случаи, когда при неумышленном убийстве старика его дочь отказалась мириться, а при аналогичном убийстве мальчиком мальчика из винтовки также поступили родители потерпевшего. В среднем в 8 из 10 случаев автомобильных аварий со смертельным исходом семья потерпевшего или вовсе не обращается в официальные судебные органы, или, если ранее подала жалобу, то отсылает в российский народный суд заявление об отсутствии претензий к виновному[11]. При рассмотрении случаев, связанных с гибелью человека, в 1950-1980-е годы медиаторы назначали компенсацию в размере от 1 до 5 тыс. руб. **(**в это время автомобиль стоил 4-6 тыс. руб. - И.Б.). В 1990-е годы в связи с постоянной инфляцией размеры компенсаций меняются.

При *умышленных убийствах,* как свидетельствует судебный архивный материал, родственники виновных, как правило, даже не пытаются через посредников начинать переговоры о примирении с родственниками потерпевших. Последние обычно ведут себя очень агрессивно и в большинстве случаев обращаются к российским судьям с просьбой, а порой и с требованием, об определении виновному самого строго наказания, вплоть до расстрела. Иногда во время судебного процесса они заявляют, что отказываются от получения материальной компенсации в пользу вынесения российским судом смертного приговора виновному. Так, мать одного убитого назвала обычай традиционного примирения ‘‘дурацким законом‘‘, подчеркивая, что обращение к нему возможно только при причинении неумышленного физического ущерба во время аварий на дорогах: злой умысел ‘‘прощать нельзя‘‘[12].

Традиционное посредничество используется и при урегулировании ситуаций, связанных с *изнасилованием*. Как свидетельствуют полевые данные, чаще всего подобные конфликты разрешаются с помощью брака. Это подтверждают и судьи Верховного суда КБР[13]. Обратимся к архивным судебным данным за последние 40 лет и проанализируем 45 случаев совершения индивидуальных и 22 случая - групповых изнасилований, рассмотренных Верховным судом КБР. Как правило, примирение с помощью брака происходит только после индивидуальных изнасилований, когда насильник и его жертва еще не вступили в брак. В 16 из 45 изученных мною дел имели место попытки родственников виновного уговорить потерпевшую и ее родителей согласиться на брак.

В архиве ВС КБР я нашла лишь одно дело, когда после совершения двумя неженатыми кабардинцами изнасилования 16-летней кабардинки один из насильников предложил девушке выйти за него замуж[14]. Обычно при совершении групповых изнасилований виновные обращаются к иным способам воздействия: к угрозам в адрес потерпевших, их родственников и свидетелей, и к уговорам уладить дело с помощью выплаты компенсации[15]. Как правило, подобные методы оказываются действенными, и хотя народный суд не может полностью прекратить дело, он часто значительно сокращает сроки наказания[16].

Если родители виновного через посредников начинают вести переговоры с родителями потерпевшей о браке, то, как правило, им удается добиться положительного результата. Так, из 16 дел, в которых описаны подобные попытки, лишь в двух случаях родители потерпевших девушек категорически отказывались иметь

дело с виновной стороной[17].

Примирение с помощью брака происходит, как правило, в тех случаях, когда оба участника конфликта, насильник и потерпевшая, - кабардинцы. Бывает, что кабардинцы обращаются к этому способу разрешения ситуации тогда, когда потерпевшая - русская. Есть примеры успешного урегулирования и таких дел[18].

Введение советских норм судопроизводства вызвало появление новых черт в традиционном правовом сознании кабардинцев. Изучая уголовные дела по изнасилованиям, я пришла к выводу, что кабардинцы восприняли советские правоохранительные и судебные органы не как учреждения, в которые они обязаны обращаться в определенных ситуациях, а как средство оказания давления на участников конфликта. Когда насильник не торопится предложить потерпевшей выйти за него замуж, ее родственники подают в правоохранительные органы заявление, в котором они просят возбудить уголовное дело против насильника, *только если он откажется жениться на потерпевшей* (курсив мой - И.Б.)[19]. Данный факт показывает, что, с одной стороны, кабардинцы, безусловно, до сих пор не признают российские правоохранительные и судебные органы как обязательные, а с другой, он свидетельствует о том, что адыги сумели найти в своей практике урегулирования споров нишу и для советской правовой системы и включили ее в свой арсенал способов оказания воздействия на участников конфликта, т.е. они обращались и обращаются в народный суд в исключительных случаях, когда ни медиаторы, ни применяемые против виновного санкции не являются действенными.

Опишем этапы современного примирительного процесса, осуществляемого после различных видов конфликта. В случае *причинения физического ущерба или убийства,* как справедливо заметила П. Гарб, ритуалу примирения предшествует подготовительный этап, являющийся наиболее важной частью процесса, во время которого сельчане убеждают участников и их родственников мирно урегулировать свой конфликт. У кабардинцев, как только становится известно о случившемся, медиаторы (в головных уборах, в одежде с длинными рукавами) идут в дом потерпевшего. Каждый из них поочередно подходит сначала к старшим по возрасту членам семьи потерпевшего, затем к его отцу и матери. После этого во двор выходят один из старших по возрасту членов семьи потерпевшего и медиаторы, которые предлагают оказать материальную помощь этой семье. Вызванный возвращается в дом и советуется с остальными членами семьи, которые уговаривают отца потерпевшего принять помощь. Медиаторы не имеют права предлагать материальную поддержку непосредственно родителям потерпевшего. Подобные переговоры - процесс длительный, и иногда медиаторам не удается сразу примирить стороны. Тогда через некоторое время, уже в новом составе, включая самых авторитетных стариков селения, группа медиаторов идет в дом потерпевшего для переговоров. Бывает, что семья потерпевшего отказывает в примирении 2-3 раза[20].

Когда удается начать процесс примирения, то группа медиаторов посещает дом потерпевшего каждый день, принося продукты и деньги. Семье виновного и медиаторам разрешается присутствовать на похоронах и поминках и принимать участие в их организации. Затем медиаторы вновь приходят в дом потерпевшего и предлагают дополнительное материальное возмещение. Его сумма не определена

строго: виновная сторона дает столько денег, сколько может. Если родители умершего принимают их, то медиаторы начинают просить, чтобы семья потерпевшего не подавала заявление в суд или забрала его оттуда (если уже подала), что она и делает. После этого улаживания конфликта отношения между виновным и семьей умершего продолжают оставаться натянутыми в течении одного-двух лет: если семья виновного пригласит родственников потерпевшего на свадьбу, то может получить отказ. Дружеские отношения между семьями чаще всего восстанавливаются после годовых поминок[21].

Несколько иначе происходит процесс примирения после совершения *изнасилования*. На первом этапе примирения родственники виновного сразу же после случившегося идут в дом к потерпевшей для выражения сочувствия. Если они замешкаются и появятся у родственников потерпевшей на следующий день, то скорее всего их уже не примут. Во время одного судебного заседания отец потерпевшей девушки сказал, что если бы виновный и его родственники сразу пришли к нему и извинились, то он не стал бы подавать на насильника в суд[22]. В другом случае сосед изнасиловал соседку. Родители потерпевшей и виновного были в хороших, дружеских отношениях. Как только родители насильника узнали о случившемся, они тут же пришли в дом потерпевшей, извинились и сказали, что ‘‘такое мог совершить только ненормальный‘‘ и сами попросили осудить их сына по закону. В результате парень был осужден только на 4 года и семьи помирились[23].

Как свидетельствуют судебные материалы Верховного суда КБР, родственникам виновного требуется приложить значительные усилия для получения согласия потерпевшей и ее родственников на брак. Если случается лишь попытка изнасилования, то достигнуть цели легче, поскольку девушка не лишалась невинности. Но бывают и исключения. Так, в селении Верхний Курп в 1967 г. после неудачной попытки изнасилования односельчанки Н.Б. виновный был осужден на длительный срок: и девушка, и ее мать отказывались вести переговоры с его родителями о примирении[24].

На втором этапе примирения к родственникам потерпевшей отправляется группа сельчан, состоящая из родственников и друзей виновного и авторитетных сельчан. Если первый визит неудачен, то через некоторое время посылается группа в новом составе, куда входят уже самые влиятельные в селении адыги[25].

Следующий этап включает переговоры с правоохранительными (если дело еще не передано в суд) или судебными органами (если уже передано). Обычно потерпевшая пишет заявление о том, что она добровольно вступила в половой акт с обвиняемым и собирается выйти за него замуж. Если дело находится в милиции, то оно обычно закрывается. Если оно уже передано в суд, то закрыть его сложнее. Поскольку потерпевшие, как правило, несовершеннолетние и согласно Семейного кодекса РСФСР не могут вступить в брак без наличия дополнительных обстоятельств, например, беременности, суд не может закрыть дело, а может лишь определить виновному более мягкое наказание[26].

Современное кабардинское правосознание ориентировано на посредничество как на основную форму урегулирования спорных ситуаций. Как показывают полевые этнографические материалы, адыг, который отказывается от услуг медиато-

ров, односельчанами осуждается, а иногда даже презирается[27]. Вокруг такого человека создается атмосфера отчуждения, которая вынуждает его в конце концов обратиться к медиаторам. По сообщению моих информаторов, часто односельчане просят конфликтующие стороны примириться ‘‘во имя Аллаха‘‘. Те, кто отказывается это сделать, ведут себя ‘‘не по-мусульмански‘‘. Если какой-либо сельчанин стал свидетелем серьезной ссоры или драки, то согласно общественному мнению, вмешательство - его обязанность, а не право. Анализируя уголовные дела в Верховном суде КБР, мне попадались материалы, свидетельствующие о том. что сельчане, которым не удавалось удержать убийцу от совершения преступления, чувствовали свою моральную ответственность за содеянное[28]. Это также подтверждает сохранение у большинства сельских жителей, как кабардинцев, так и балкарцев, традиционного правосознания, в основе которого, в первую очередь, лежит тяга к поиску согласия без судебного разбирательства, и отсутствие уважения к Уголовному Кодексу РФ[29].

На ход примирительного процесса влияют многие факторы. Во-первых, чем ближе территориально находятся конфликтующие стороны, тем сложнее посредникам добиться примирения, поскольку сохраняется вероятность случайных встреч участников конфликта.

Во-вторых, если в исходном конфликте было совершено *убийство*, то медиаторы в первую очередь выясняют, были ли какие-либо отягчающие обстоятельства, свидетельствующие о дополнительной вине убийцы. Если убийство было умышленное, особенно при отягчающих обстоятельствах, то медиаторам и односельчанам нелегко уговорить родственников потерпевшего идти на примирение. По сообщению моих информаторов, в таких случаях кабардинцы предпочитают не соглашаться на возмещение ущерба, а мстить. Наконец, затруднено использование традиционного посредничества и в тех случаях, когда убийца - родственник жертвы: чем ближе родство, тем сложнее примирение[30].

Как показывают этнографические материалы, традиция посредничества, хоть и в ограниченной степени, но используется при урегулировании конфликтных ситуаций между кабардинцами, с одной стороны, и проживающими по соседству балкарцами и русскими, с другой. Например, при причинении неумышленных физических увечий во время автомобильных аварий, если виновный - русский, то его семья через медиаторов предлагает семье потерпевшего адыга материальную помощь, которую последняя, как правило, принимает. Если же виновный - кабардинец, то семья потерпевшего русского чаще подает жалобу в российский народный суд или требует более значительного материального вознаграждения, чем то, которое обычно назначается медиаторами в таких случаях. С помощью медиаторов кабардинцы улаживают с русскими ситуации, связанные с изнасилованием русских девушек. В этих случаях родственники виновного кабардинца вместе с медиаторами идут в дом потерпевшей и предлагают ее родственникам либо брак с насильником, либо денежное вознаграждение, которое чаще всего принимается[31].

Шариат

В советские годы большая часть мечетей прекратила функционировать. Повсеместное закрытие богослужебных зданий началось в 1930-е годы. Так, к началу

1940-х годов в Кабардино-Балкарии действовало только 36 мечетей из 239 существовавших до революции. Уже к 1951 г. в Кабардино-Балкарии их осталось всего 7. Количество прихожан было крайне малочисленно. В 1950-е годы в период либерализации религиозной политики ситуация в Кабардино-Балкарии несколько улучшилась: к 1961 г. уже было 20 религиозных общин, 875 прихожан и 230 служителей культа. В 1970-е годы в КБР началось строительство на территориях действующих кладбищ молельных домов[32]. Начиная с 1985 г. наблюдается постепенное увеличение числа мусульманских объединений на всем Северном Кавказе, в том числе в Кабардино-Балкарии.

В 1990-е годы на Северном Кавказе наблюдается процесс возрождения ислама, отмеченный бурным строительством сельских и городских мечетей, хотя в Кабардино-Балкарии шариат по-прежнему сохраняет достаточно ограниченное поле применения. Наибольший рост численности религиозных общин отмечен в Дагестане и Чечне. Мусульманские общины Северного Кавказа в настоящее время имеют республиканское подчинение. Так, кабардинские и балкарские религиозные общины включены в Духовное управление мусульман КБР (далее - ДУМ КБР)[33]. Для координации работы Духовных управлений мусульман Северного Кавказа создан *Совет муфтиев.*

В 1994 г. в КБР было зарегистрировано около 100 мусульманских общин и действовало 40 мечетей. По официальным данным на 1999 г., в КБР существует 140 религиозных общин, в действительности - их более 160[1]. Как правило, в настоящее время в крупных кабардинских селениях работают по три мечети, одна из которых - старая. Как и до революции, вновь появилось понятие *квартальной мечети,* куда ходят на службу жители одного квартала (джамаата). Новые мечети, как правило, большие и вмещают значительное число прихожан (до 1500 чел.). В строительстве мечетей принимают участие как крупные мусульманские организации, так и прихожане[34].

Современная религиозная жизнь кабардинцев включает в себя посещение квартальной мечети и соблюдение ряда религиозных обрядов, главным образом, похоронного и свадебного. Как правило, сельчане ходят в мечеть один раз в неделю, по пятницам, а также во время главных мусульманских праздников. Некоторые кабардинцы, главным образом, пенсионеры, бывают в мечетях каждый день. По моему наблюдению, кабардинки с большей тщательностью, чем мужчины, соблюдают нормы шариата. Одни из них с энтузиазмом восприняли новый образ жизни, другие видят в нем возможность дополнительного заработка. Так, например, женщин часто приглашают для совершения похоронных и других обрядов, за что они получают деньги[35]. Есть и такие кабардинцы, которые либо вообще не бывают в мечети, либо посещают ее крайне редко. Я беседовала с 80-летним кабардинцем, бывшим военным и партийным работником, который ходит в мечеть только по очень крупным праздникам[36].

Мои наблюдения подтверждаются исследованиями других авторов. Так, Х.М. Думанов указывает, что кабардинцы и балкарцы никогда не были религиозными фанатиками и не обременяли себя многочисленными сложными религиозными

[*] Религиозная община - это организация, объединяющая мусульман. Она не всегда совпадает с прихожанами одной мечети. Например, в селении может работать три мечети и существовать две религиозные общины - верхняя и нижняя.

обрядами. Каждый верующий кабардинец и балкарец считал достаточным совершать пятикратный намаз, держать уразу, резать барана (жертвоприношение) в день Курбан-Байрама, раздавать закят в пользу бедных (т.е. десятую часть своего годового дохода). Они верили, что соблюдение этих четырех предписаний обеспечит место в раю. Остальное их не очень волновало. Например, они считали необязательным постоянно читать Коран, носить паранджу, вести религиозную войну и т.д. Могли заплатить и послать вместо себя другого человека для совершения хаджа и т.д. И что характерно - мужчины, кабардинцы и балкарцы, начинали соблюдать религиозные обряды при достижении преклонного возраста[37].

Службу в мечетях проводят два человека - *имам* (глава мечети) и его помощник - *эфенди*. В 1980-е годы кабардинцы любого духовного деятеля называли эфенди, ныне появилось различие в статусе и в обращении к духовным лицам. Слово *мулла* в КБР не употребляется[38]. Под наблюдением главы администрации сельские имамы выбирают *раис-имама*, т.е. главного имама в районе, который координирует деятельность сельских духовных лиц. В свою очередь, раис-имамы объединяются в *Совет раис-имамов*, который подчиняется ДУМ КБР[39]. Должности в сельских мечетях занимают, во-первых, те, кто получил исламское образование либо заграницей, главным образом, в Саудовской Аравии или Сирии, либо в Нальчике, в Исламском институте; во-вторых, те, кто окончил функционирующие с начала 1990-х годов в г. Нальчике двухгодичные курсы арабского языка, и, наконец, простые кабардинцы и балкарцы, знающие арабские молитвы[*40]. По данным ДУМ КБР, из 160 имамов, возглавляющих ныне религиозные общины, только 40 чел. получили специальное религиозное образование[41].

В Кабардино-Балкарии службы в мечетях осуществляются на арабском языке. В смешанных селениях кабардинцы и балкарцы, несмотря на языковые различия, существующие между ними, посещают одну и ту же мечеть. Как свидетельствует полевой материал, многие имамы, исполняющие службы в смешанных селениях, как правило, владеют кабардинским (если имам - балкарец), и балкарским (если он - кабардинец) языками.

Помимо служб имамы проводят с прихожанами дополнительные беседы, которые бывают либо в мечети после окончания службы, либо в правлении колхоза после собрания колхозников. Во время таких бесед с сельчанами они произносят проповеди, затрагивающие отдельные стороны жизни мусульманина, на кабардинском или балкарском языках (если селение - моноэтничное) и на двух языках поочередно (если селение - кабардино-балкарское). Иногда в последнем случае

[*] В настоящее время в КБР начальное мусульманское образование можно получить в сельских начальных школах-медресе и Исламском центре, а высшее - в Исламском институте в г. Нальчике и в учебных заведениях Турции, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии. Во многих районах КБР организованы такие медресе. Так, в Баксанском районе их 16, в Чегемском - 10 и т.д. Всего в КБР 54 учебных заведения, в которых обучаются 1612 человек. В Исламском центре учащиеся получают начальное образование, по факультативной форме обучения их учат чтению Корана и совершению намаза. Первая школа-медресе открылась в Нальчике в 1991 г., в 1993 г. она была преобразована в Исламский институт - высшее учебное заведение, в котором преподают широко образованные лица из Сирии, Иордании и Ливии. В настоящее время в нем учится 100 человек. В программу обучения входят 10 основных предметов, связанных с изучением Корана, языков (кабардинского, балкарского и арабского), поведением мусульманина, а также с нормами права, касающимися раздела имущества и наследования (фикх, хадис, тафсир, аккидас, уасуль фикх, тарбия, мукарана, фараид).

используется и русский язык как язык межнационального общения. В силу всего вышесказанного очевидно, что языковой проблемы, по крайней мере в религиозной жизни, в КБР не существует[42]. Однако можно говорить о существовании проблемы арабского языка. Простые сельчане его не знают, тем не менее им хотелось бы понимать смысл произносящих имамом молитв. Поэтому многие из них стараются приобретать рукописные переводы основных мусульманских молитв. До сих пор в республике не изданы молитвенники на кабардинском или балкарском языке. За 1990-е годы руководство ДУМ подготовило перевод Корана на балкарский язык, который признан специалистами плохим, поскольку осуществлялся не с оригинала, а с русского перевода. В настоящее время под руководством кандидата филологических наук З.М. Налоева готовится к изданию перевод Корана на кабардинский язык.

Мусульманские обряды. Наиболее полно кабардинцы соблюдают два мусульманских обряда - похоронный и свадебный*. Наряду с отправлением этих обрядов, те имамы, которые пользуются авторитетом среди сельчан, принимают участие в *миротворческим процессе* примирения участников различных конфликтов[43].

В настоящее время не совершаются такие мусульманские обряды, существовавшие у кабардинцев до революции, как *обряд развода,* и связанные с ним *раздел имущества и раздел наследства*. В последние годы многие женщины обращаются к духовным лицам с вопросом о возможности их развода по шариату, тем не менее в целом эта традиция не получила значительной поддержки у прихожан. Правовые нормы шариата по разделу имущества и наследованию и до революции не имели повсеместного применения, а использовались лишь наряду с нормами адата. В 1950-1990-е годы раздел имущества при разводе супругов и наследства осуществлялся по-разному: строгих правил на этот счет не было. Как свидетельствует полевой материал, важным фактором при разделе имущества супругов является наличие или отсутствие детей. Если в семье много детей, то обычно мужчина оставляет бывшей жене дом и имущество. Если детей нет, то женщина переселяется в дом родителей, а дом и имущество остается бывшему мужу[44].

Раздел наследства у кабардинцев осуществляется тремя способами: 1) все имущество родителей достается младшему сыну, проживающему, как правило, с ними; 2) делится на равные части между сыновьями; 3) делится на равные части между сыновьями и дочерьми. Преобладают первые два варианта.

Думается, что нормы шариата в области раздела имущества и наследования (*фараид)* не скоро будут востребованы в адыгском обществе. В популярных брошюрах, выпускаемых для чтения просты-

* Похоронный обряд состоит в том, что имам выполняет *джаназ*: сразу после смерти человека он омывает его тело, заворачивает в саван (мужчину в три слоя материи, а женщину - в пять), прочитывает молитву джанази. В тот же день родственники хоронят покойного. На кладбище сельчане выстраиваются в одну, три или пять шеренг, а умершего располагают головой к югу. Имам прочитывает молитвы, затем кладет в могилу покойного *дуа* - молитву, написанную на куске материи от савана. Если в одном квартале происходит одновременно двое похорон, то вначале имам произносит молитву над тем, кто умер раньше.

Мусульманский обряд бракосочетания совершается чаще всего перед тем, как молодые регистрируют свой брак в загсе, реже - после него. Свадебный обряд, *накях*, состоит в том, что родственники невесты и жениха берут друг друга за руки таким образом, чтобы их большие пальцы соединялись. Во время чтения молитв имам берет в свою руку большие пальцы родственников молодоженов и спрашивает их согласие на брак.

ми гражданами нормы *фараид* не приводятся Тем не менее в высших учебных заведениях, в частности в Исламском институте, будущие служители культа получают знания и об этой части шариатского права[45].

Основные направления деятельности ДУМ КБР. Перед духовными лидерами КБР в настоящее время стоят две главные проблемы - это, во-первых, необходимость ликвидации тех обычаев, которые практикуют мусульмане, но которые в действительности не имеют ничего общего с шариатом и лишь исторически связаны с мусульманскими обычаями; и, во-вторых, - это унификация бытующих мусульманских обрядов. Дело в том, что, как я отмечала выше, большинство сельских духовных лиц не имеют специального духовного образования и во многом исполняет обряды ‘‘по слухам‘‘. Они достаточно плохо осведомлены об основных нормах шариата. Остальная, образованная часть мусульманского духовенства КБР, старается следовать определенным канонам. Сложившая ситуация отражается при соблюдении и отправлении религиозных обрядов и предписаний: в различных населенных пунктах КБР одни и те же обряды - *деур, поминки, накях* и другие совершаются по-разному[46]. Рассмотрим, в чем же эти различия.

В настоящее время многие сельчане нарушают одно из правил шариата, а именно: проведение похорон в день или на следующий день после смерти человека. Известны случаи, когда они держат тело умершего человека в доме по несколько дней, ожидая прибытия дальних родственников. Не соблюдаются нормы шариата и при совершении поминок[*], *садакъэ,* что переводится с арабского на русский языка как *благодеяние*. Наряду с этим в 1990-е годы в КБР существует традиция, согласно которой родственники умершего во время поминок составляют список лиц, которые оказали финансовую помощь при устройстве похорон, и согласно размеру вложенных сумм им выделяются доли поминальной провизии. Такого в исламе тоже нет и духовные лица выступают против этого[*] [47].

Для решения проблем, связанных со сложившейся ситуацией, руководство ДУМ КБР, раис-имамы и образованная

---

[*] В КБР в настоящее время сельчане делают поминки на 9, 40, 52 день, а также через 6 месяцев и один год. Многие из них делают поминки и на 3-й день после похорон. В исламе такой нормы нет. Более того, согласно мусульманским канонам, категорически запрещается резать скот и готовить еду в доме умершего. Зная это, некоторые сельчане стараются проводить поминки в доме своих соседей. Как свидетельствует полевой материал, традиция устройства поминок на третий день появилась только после войны. Согласно норм шариата, в течении первых трех дней окружающие должны проявлять только сочувствие, без долгого застолья. Более того, проведение поминок на 40 или 52 день также является скорее данью язычеству и христианству, нежели следованием нормам шариата. По-разному кабардинцы высказывают и ‘‘сочувствие‘‘. Так, в Терском и Урванском районах кабардинцы, выражая соболезнование, просто становятся рядом с родственниками умершего и произносят соболезнование, тогда как в Баксанском районе при соболезновании обязательно пожимают руку каждому родственнику. Согласно мусульманским канонам при выражении соболезнования за руку брать не следует.

[*] В настоящее время практикуется и вознаграждение имамов и эфенди за чтение Корана во время совершения обряда похорон. Плата за данное действие является прямым нарушением исламских норм. Такая же плата существует и при совершении свадебного обряда *накях*. Подобные выплаты ничем не регламентируются. Как отмечает Х.М. Думанов, следует хотя бы установить единый размер деура и плату за совершение обряда накях во всех селах и т.д. В 1990-е годы на мусульманских кладбищах КБР стали возводиться несвойственные шариату крупные памятники (в исламе нет культа памятников). Нет в нем и различия между могилами для мужчины и женщины, тогда как в реальности могилу для женщины копают глубже, чем для мужчины, так как, по народным представлениям, женщина - более греховна.

часть сельских имамов проводит многочисленные беседы с сельскими жителями, а также республиканские съезды мусульман Кабардино-Балкарии[48]. Между тем, как свидетельствует полевой этнографический материал, попытка духовных лидеров и образованной части сельских имамов унифицировать практику применения мусульманских обрядов встречает сопротивление как в среде менее образованных сельских духовных лиц, так и в среде сельских жителей. В основе сопротивления сельских имамов и эфенди - отношение к мусульманским обрядам прихожан, которые не только не хотят соблюдать нормы ислама, но предпочитают придерживаться привычных, пусть даже не очень верных, традиций, которые лишь косвенно связаны с исламом[49]. Иногда после проведения духовными лицами бесед с прихожанами последние некоторое время следуют советам духовных лидеров. Так, старики из селения Исламей рассказывали, что после визита в их селение руководителя ДУМ КБР Ш. Пшихачева и проведенной им беседы, некоторые прихожане действительно перестали проводить трехдневные поминки. Первые 20 похорон прошли без устройства поминок, однако затем сельчане вновь вернулись к прежней традиции, несмотря на все просьбы сельского имама этого не делать[50]. Таким образом, как подчеркивает Х.М. Думанов, в настоящее время можно говорить о двух сложившихся в исламской жизни кабардинцев направлениях: первое направление - ‘‘упрощенное‘‘, второе - ‘‘требующее соблюдения всех религиозных предписаний по Корану‘‘[51].

СОВЕТСКОЕ (РОССИЙСКОЕ) СУДОПРОИЗВОДСТВО

Если потерпевшему был причинен незначительный физический ущерб во время бытовой ссоры или серьезный ущерб во время аварии на дороге, то, как свидетельствуют материалы Прокуратуры КБР, уголовные дела в этих случаях возбуждаются либо по заявле нию потерпевших или их родственников, либо по решению правоохранительных органов. На практике последние редко сами проявляют инициативу в подобных делах. Обычно милиция вынуждена это делать в тех случаях, когда случившееся получило широкую огласку. В целом, как показывает опыт правоохранительной работы, если потерпевшая и виновная сторона еще до начала судебного процесса примирились между собой, то правоохранительные и судебные органы прекращают подобные дела[52].

Во многих случаях органы милиции и прокуратуры Кавказа не возбуждали уголовных дел, например, по изнасилованиям, ссылаясь на отсутствие жалоб потерпевших[53]. Если происходит изнасилование несовершеннолетней, то уголовное дело по этому факту возбуждается как по заявлению потерпевшей, так и без него. Если же потерпевшая - совершеннолетняя, то дело может быть возбуждено только по ее заявлению. Как свидетельствуют данные Прокуратуры и Верховного суда КБР, сами потерпевшие или их родственники редко обращаются в судебные органы, предпочитая урегулировать эти конфлик-

ты с помощью брака. В кабардинских селениях продолжает бытовать мнение, согласно которому, если насильник предлагает потерпевшей выйти за него замуж, то девушке неприлично с ним судиться, сельчане будут ее осуждать. Если же он отказывается от брака с ней, то девушка и ее родители вынуждены возбудить уголовное дело. В противном случае сельчане начинают думать, что потерпевшая сама виновата в содеянном над ней, и по селению начинают ходить оскорбительные для нее слухи. После того, как заявление от потерпевшей поступает в милицию и по этому делу начинается расследование, оно не может быть прекращено, если девушка передумывает. Виновный обязательно подлежит осуждению, но судьи, учитывая состоявшееся между сторонами примирение, могут определить ему меньший срок заключения[54].

Верховный суд КБР не обращал в 1950-1980-е годы и не обращает до сих пор внимание на информацию о попытке или факте дачи кабардинцами или балкарцами (родственниками обвиняемых) компенсации (выкупа) семьям потерпевших. Подобные действия горцев в 1920-1930-е годы жестоко преследовались советскими правоохранительными и судебными органами. Позднее республиканские и федеральные органы стали относиться к применению этой нормы традиционного права терпимо, почти без внимания, лишь изредка отмечая данный факт в судебном приговоре[55].

По моему мнению, советская правовая система не оказала существенного влияния на уровень сельской конфликтности, поскольку осуждение виновного в совершении любого уголовного преступления советским судом ни в коей мере не освобождало его и его семью от угрозы совершения кровной мести со стороны родственников потерпевшего[56]. Освобождение от мести могло быть осуществлено только после медиаторского примирения. Известны случаи, когда после осуждения виновного советским судом, его семье не удавалось примириться с семьей потерпевшего и обязательно следовала месть в какой-либо форме[57]. Более того, как отмечали правоведы и прокуроры, даже при вынесения советским судом решения о смертной казни виновного, родственники убитого все равно совершали кровную месть по отношению к кому-либо из членов его семьи. Поэтому иногда кабардинцы, родственники потерпевшего, во время судебного заседания ходатайствовали об определении более мягкого приговора виновному.

Однако чаще всего потерпевший или его родственники просили суд назначить виновному смертную казнь, мотивируя тем, что в противном случае они прибегнут к кровной мести. В 1950-1990-е годы ходатайство перед судом о смертной казни стало новой формой мести[58]. Кабардинцы пытались ввести в советское судопроизводство и другую норму адата, а именно: выселение семьи виновного на жительство в другое место. Я обнаружила в архиве Верховного суда КБР целый ряд дел, в которых родственники потерпевших просили суд о применении подобного наказания. Особенно это касалось тех случаев, когда участники конфликта жили по соседству. Жена одного убитого кабардинца, требуя выселения семьи виновного, говорила на суде: ‘‘мы живем близ друг друга и я не хочу, чтобы дети выросли с чувством мести‘‘[59].

Влияние общественного мнения на советское судопроизводство. Изучая материалы советских судебных процессов по

убийствам и изнасилованиям, можно сделать вывод о значительном влиянии сельчан, которое они оказывали и продолжают оказывать как на ход традиционного примирения, так и на работу советского (российского) суда. Результаты обоих видов урегулирования конфликтных ситуаций зависят от того, кого из участников рассматриваемого дела, в какой форме и с какой степенью активности будут поддерживать сельчане. Приведу пример. В кабардинском селении парень совершил попытку изнасилования одноклассницы. Поскольку имела место лишь попытка совершения преступления, а парень был из семьи, пользовавшейся в селении авторитетом, его влиятельные родственники без труда склонили сельчан на свою сторону. Последние пытались уговорить родственников потерпевшей примириться и не возбуждать уголовного дела. Тем не менее девушка и ее мать были непреклонны, парня осудили. Девушка начала подвергаться ‘‘остракизму‘‘ со стороны односельчан, что побудило ее переехать жить к родственникам в другое селение. Однако преследования продолжались, поэтому девушка и ее мать были все-таки вынуждены дать согласие на примирение. Потерпевшая, изменив свои первоначальные показания, подала заявление в Верховный суд КБР о пересмотре дела. В итоге суд снизил виновному срок наказания до четырех лет[60].

В советское время, чтобы повлиять на ход судебного процесса, сельчане проводили собрание, на котором обсуждались обстоятельства совершенного преступления и принималось решение об оказании общественной поддержки либо родственникам потерпевшей, либо родственникам обвиняемого. Данный документ отправлялся в советский (российский) суд. Иногда кто-либо из сельчан зачитывал его во время заседания суда. Случалось, что сельчане просили о снисхождении членов суда к виновному. Так, в одном подобном документе говорилось, что сельчане близко знают семьи виновного и потерпевшей, что семья виновного взяла на себя воспитание потерпевшей до ее совершеннолетия[61]. Как мне представляется, попытка сельчан участвовать не только в медиаторском процессе, но и в советском судебном заседании, свидетельствует о сохранении элементов коллективного правосознания и об особенностях восприятии адыгами советских судебных органов и о гибкости суда, позволявшего использовать традиционные нормы.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В 1990-е ГОДЫ

После крушения советского режима в начале 1990-х годов во взаимоотношениях государственного и адатного права, а также в организации адатного процесса наметились изменения. Произошла постепенная десоветизация всей судебно-правовой системы Кабардино-Балкарии. Вместе с тем, согласно принятой 1 сентября 1997 г. новой Конституции КБР, в республике

официально сохраняется единая моноюридическая судебная система, основанная на российском законодательстве. Органами судебной власти являются *мировые* и *районные суды*. В своей работе они руководствуются исключительно новым Уголовным кодексом РФ, введенным в действие с января 1997 г. В КБР адатные и шариатские институты пока так и не узаконены. Согласно п.1.ст.17 новой Конституции, в КБР запрещается использование неписаного права*. Надзор за деятельностью народных судов осуществляет *Верховный Суд КБР*.

Тем не менее многие политические деятели пытаются легализовать некоторые нормы адатно-шариатного судопроизводства. Они акцентируют внимание на том, что в настоящее время значение религиозно-адатных норм для адыгской общины возросло. Такая позиция привела к тому, что вопрос о том, в какой степени некоторые нормы адата и шариата будут функционировать в кабардинском обществе, в какой форме

они могут быть включены в новое судебное законодательство республики, стали очень важными.

В Кабардино-Балкарии в настоящее время можно выделить три позиции по отношению к адатно-шариатному праву, высказанные властными структурами, правоохранительными и судебными органами, депутатским корпусом и общественными движениями. В основе первой лежит признание ее приверженцами норм адата и шариата, применяемых в настоящее время de facto и при отказе в их легализации. Нормы, которые не использовались в последние десятилетия, они не считают нужным ни возрождать, ни тем более - узаконивать. Этих взглядов придерживаются многие представители республиканской власти, депутаты республиканского Парламента, правоохранительных и судебных органов, а также лидеры ДУМ КБР.

Так, ряд депутатов Парламента КБР признает, что посредничество как способ примирения с помощью норм адата действительно применяется при урегулировании многих конфликтных ситуаций. При необходимости к этой норме традиционного права обращаются как простые сельчане, так и районные власти. Они отмечают и существование в республике отдельных случаев двоеженства и совершение мусульманского свадебного обряда[62]. Тем не менее они против узаконивания данных норм. Они уверены, что каждому жителю республики, в том числе и проживающим в ней русским, нужно оставить право выбора правовой системы. По их мнению, далеко не все жители обращаются ныне к традиционному адатно-шариатному праву. Введение норм адата и шариата в республиканское законодательство приведет к их обязательному исполнению, т.е. обычай станет правовой нормой, а это недопустимо. Приверженцы этой точки зрения убеждены, что при формировании современной правовой политики в КБР следует опираться на федеральные законы, в первую очередь на Закон о национально-культурных автономиях и на Государственную программу по развитию Кавказа, в которых нет упоминания о легализации традиционного права народов Кавказа[63].

Сотрудники республиканской Прокуратуры также не возражают против существования норм примирения, основанных

* Законы КБР подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативно-правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не были опубликованы официально для всеобщего сведения.

на адате. Они отмечают, что у большинства сельских жителей действительно сохраняется традиционное правосознание, в основе которого лежит тяга к поиску согласия между участниками любого конфликта без помощи российского законодательства и стремление к расширению применения шариата в разных областях жизни. В некоторых сферах, по их мнению, применение норм адата очень полезно и плодотворно - это случаи причинения неумышленного физического ущерба (по неосторожности) во время аварий на дорогах (ст.211 УК РФ 1997 г.). Тем не менее они считают, что отношение к этому правоохранительных и судебных органов должно быть нейтральным, поскольку легализация данных норм адата сделает их обязательными для всех жителей республики[64].

К этой точке зрения близка позиция судей Верховного суда КБР. Опираясь на свою судебную практику, они допускают существование в республике отдельных норм адата и шариата, действие которых не должно ‘‘грубо противоречить уголовным нормам РФ‘‘. Они считают возможным применение адата при урегулировании конфликтов, связанных с причинением незначительного физического ущерба. А с другой стороны, они не видят необходимости вводить эти нормы в судебные законодательные документы и приводят при этом совершенно иную аргументацию. Анализируя сложившуюся в 1990-е годы правовую ситуацию на всем Северном Кавказе, судьи видят взаимосвязь между поддержкой адата и ростом активности сторонников шариата, наблюдаемой в последние годы в Чечне и Дагестане. По их мнению, именно легализация в Чечне норм адата впоследствии привела к усилению позиций шариата в этой республике и предостерегают от того, что в КБР может сложиться похожая правовая ситуация. В силу этого судьи видят опасность поддержки норм адата и шариата даже в том ‘‘безобидном‘‘ виде, в каком они бытуют в настоящее время в Кабардино-Балкарии[65].

Сходное отношение к правовой традиции, адату и шариату, опираясь при этом на иные аргументы, высказывают руководители ДУМ КБР. По их мнению, в настоящее время не следует ни запрещать, ни легализовать те нормы адата и шариата, которые бытуют в республике, ни тем более возрождать утраченные в силу ряда обстоятельств. Такая сдержанная позиция духовных лидеров основывается на отсутствии, по их мнению, в настоящее время условий для возрождения шариата в том виде, в каком он существовал до революции. По мнению духовных руководителей, возрождение и легализация шариата в КБР - процесс неизбежный, но на данном этапе крайне преждевременный как для прихожан, так и для самих духовных лидеров и республиканских властей.

У кабардинцев и балкарцев за последнее десятилетие сформировался страх перед шариатом в той форме, в какой он сложился в Чечне и Дагестане. Введение шариатского права и шариатского судопроизводства в Чечне, как отмечают руководители ДУМ КБР, в значительной мере затормозило процесс расширения сферы применения шариата в Кабардино-Балкарии. Другой проблемой стало отсутствие не только образованного слоя сельских духовных лиц, но и желания реформировать религиозную сельскую практику у большинства сельских служителей культа. Многие из них предпочитают практиковать ‘‘по старинке‘‘, что, как я отмечала выше, вполне устраивает и прихожан. Иными словами, ни в самом народе, т.е. в

его религиозном правосознании, ни в среде сельских духовных лиц к настоящему времени не сложилась потребность в развитии и углублении применения норм шариата. В силу этого, как считают духовные лидеры республики, в ближайшие десятилетия им предстоит не столько расширять сферу применения шариата, сколько унифицировать те обряды, которые практикуются в республике и в применении которых наблюдается значительный разнобой. Именно с этой целью под руководством ДУМ КБР в последние годы проводятся съезды мусульман Кабардино-Балкарии, на которые съезжаются представители всех религиозных общин республики[66]. Отмечу, что современные мусульманские лидеры, также как и их предшественники в XIX в., терпимо относятся к практике адатного примирения при урегулировании многих спорных ситуаций.

Наконец, несмотря на все официальные заверения Комиссии по связям с религиозными организациями об отделении в КБР религии от государства, религиозная политика нынешнего республиканского руководства Кабардино-Балкарии состоит в формировании подконтрольного процесса возрождения шариата и в ограничении деятельности ДУМ КБР[67]. Многие общественные деятели подчеркивают, что именно властные структуры способствовали тому, что во главе ДУМ находятся люди маловлиятельные и неспособные на значительные преобразования в области ислама. Попытка руководителей ДУМ провести через Парламент КБР закон о многоженстве оказалась в отличие от Ингушетии, неудачной[68].

Иной взгляд на адат и шариат можно охарактеризовать как полиюридизм в двух формах: радикальной и умеренной[69]. В основе правового плюрализма лежит идея о *неизбежности* процесса судебного реформирования и создания республиканского законодательства, которое учтет присущие кабардинцам и балкарцам традиции. По мнению *правовых плюралистов*, в правовом наследии горцев можно выделить *полезные* традиции, которые были утрачены в последние десятилетия, но которые можно возродить и впоследствии ввести их в законодательство как правовые нормы.

Сторонники идеи правового плюрализма приводят примеры *полезных* традиций, например, обычай позорить вора. Если в селении произошла кража и вор был обнаружен, то в прошлые времена кабардинцы к вору привязывали предмет кражи и в таком виде прогоняли его по всему селению. Эта мера была очень действенной и полезной формой борьбы с воровством. К полезным плюралисты относят также мусульманский обряд развода, раздела имущества супругов и нормы наследования. Многоженство или, вернее, двоеженство - тоже полезная, по их мнению, традиция, однако в республике она встречается крайне редко, поэтому ее можно признать без дальнейшей легализации. Тем не менее сторонники плюрализма подчеркивают опасность поддержания и легализации таких норм адата как выплата компенсации во время традиционного примирения участников конфликтов при ранении или убийстве, поскольку в настоящее время появились ‘‘деловые‘‘ люди, имеющие много денег и данная правовая традиция позволит им с легкостью ‘‘откупаться‘‘.

Плюралисты уверены, что КБР останется в составе РФ только в том случае, если федеральное государство будет с уважением относиться к народам КБР, к

их традициям и культуре, в том числе и к правовой. Они уверены, что реформирование судебной системы с учетом традиционного права всегда являлось краеугольным камнем во взаимоотношениях между Россией и Кавказом.

К настоящему времени в северокавказских республиках сложилась разная правовая ситуация. Проблема реформирования права на Северном Кавказе с учетом его особенностей встала перед российским государством в 1990-е годы. Ее неизбежно придется решать, между тем методы ее разрешения плюралисты предлагают разные.

Радикальные плюралисты на первом этапе предлагают узаконить те нормы адата и шариата, которые не затрагивают уголовно наказуемых деяний. На втором этапе они считают нужным ввести либо республиканские уголовный и гражданский кодексы, либо создать Административный кодекс, в который включить традиционные правовые нормы адата и шариата, присущие народам Кабардино-Балкарии.

Умеренные плюралисты предлагают более постепенный переход к полиюридизму. Первым шагом, как они считают, должно стать проведение научных конференций по правовой культуре, опросов населения, а также переговоров с общественными и политическими лидерами в республике. Вторым шагом, по их мнению, должен стать выход Парламента КБР в федеральные органы власти с юридической инициативой о реформировании судебной системы в республике с учетом местной правовой традиции. Предлагая такой план судебных преобразований, умеренные плюралисты не одобряют действий Р. Аушева по реформированию права в Ингушетии, в частности, его закон о многоженстве, тем более резкую шариатизацию в Чечне. По их мнению, судебная реформа должна быть постепенной и мягкой, только в этом случае она не осложнит общественно-политические и социально-экономические проблемы в КБР.

Поскольку принятый государственной Думой в апреле 1999 г. федеральный закон ‘‘О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации‘‘[70], в котором есть статья о признании применения традиционных правовых норм при судебной защите прав малочисленных народов*, на народы Северного Кавказа не распространяется, они убеждены, что основным способом реформирования судебной системы в КБР является пересмотр распределения отдельных полномочий между органами государственной власти РФ и КБР. В настоящее время функционирует принятый 1 июля 1994 г. Договор РФ и КБР ‘‘О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти КБР‘‘, согласно которому сформулированы три формы взаимоотношений между РФ и КБР: 1) ряд вопросов передавались в *единоличное ведение КБР*, 2) ряд вопросов, в том числе административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах,

* Лица, относящиеся к малочисленным народам, а также объединения малочисленных народов имеют право “на судебную защиту исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов, осуществляемую в порядке, предусмотренном федеральными законами‘‘. При рассмотрении в судах дел, в которых лица, относящиеся к малочисленным народам, выступают в качестве истцов, ответчиков, потерпевших или обвиняемых, могут приниматься во внимание традиции и обычаи этих народов, не противоречащие федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации.

об охране окружающей среды, кадры судебных и правоохранительных органов, адвокатура, нотариат - в *совместное ведение РФ и КБР*; 3) ряд вопросов, в том числе установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности, формирование федеральных органов государственной власти, судоустройство, прокуратуру, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, амнистию и помилование, гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство, правовое регулирование интеллектуальной собственности, - в *единоличное ведение РФ*.

Таким образом, нынешний Договор о разграничении полномочий между РФ и КБР не позволяет республиканскому Парламенту принять республиканский уголовный и гражданский кодексы. Более того, как показывает практика законодательной деятельности Парламента КБР, он не в состоянии ввести отдельные специфические нормы в те Кодексы, которые находятся в совместном ведении РФ и КБР, например, в Земельный и Семейный. В действительности, область законодательной деятельности, находящуюся в совместном ведении РФ и КБР, также можно включить в единоличное ведение РФ. В настоящее время Парламент КБР обязан принимать законы, согласуя их с соответствующими кодексами, принятыми федеральной Думой.

В результате с 1994 по 1999 гг. Парламентом КБР было принято лишь несколько законов: Закон о языках народов КБР (28. 12. 1994), Закон о местном самоуправлении в КБР (09. 10. 1995), Закон о свободе вероисповеданий и религиозных объединениях (организациях) (27. 12. 1995), Закон о погребении и похоронном деле (23. 04. 1997), Закон об административно-территориальном устройстве КБР (10. 06. 1997), Закон о местном референдуме в КБР (06. 04. 1998), Закон об условиях и порядке вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет (01. 06. 1998), Закон о собраниях (сходах), конференциях граждан по месту их жительства в КБР (21. 10. 1998). В принятых законах не отражены специфические правовые традиции народов КБР. В настоящее время в Парламенте КБР проходят обсуждение Закон о мировых судьях и Земельный Кодекс. Попытки отдельных депутатов ввести в Закон о мировых судьях какие-либо дополнения, связанные с адатно-шариатным правом, безуспешны.

Как рассказывают депутаты республиканского Парламента, во время утверждения Семейного кодекса КБР, они предлагали ввести в него отдельные нормы традиционного права, например, обычай опекунства. В настоящее время оставшихся без родителей детей, как правило, отдают в созданные при советской власти интернаты, тогда как до революции существовала традиция, согласно которой на сельском сходе назначались для сирот опекуны из ближайших родственников. Они занимались воспитанием детей и поддерживали их хозяйство. Ежегодно опекуны предоставляли сельскому сходу отчет о своей деятельности. Новая советская традиция - отдавать детей в интернаты - глубоко укоренилась в нынешней жизни. Так, многие сельчане не видят ничего плохого в том, чтобы отправлять сирот в интернаты. Более того, многие дети при живых родителях находятся в них. Большинство депутатов не поддержало возрождение традиции опекунства. Некоторые из них предлагали ввести в Семейный Кодекс статьи, узаконивающие мусульманские бракоразводные обряды, и в первую оче-

редь, существующие в настоящее время *начях* и *многоженство*. Большинство парламентариев было против, опасаясь, что позже они будут вынуждены вводить мусульманские нормы раздела имущества и наследования, а общество к этому не готово. Многоженство как явление крайне редко встречающееся в республике, по мнению депутатов, вообще не требует легализации.

На данном этапе деятельности Парламента КБР у большинства депутатов нет стремления к рассмотрению проблем, связанных с адатом. Так, если отдельные нормы шариата действительно обсуждались в Парламенте в последние годы, то нормы адата, в том числе связанные с выплатой компенсации, - нет. Депутаты знают об их использовании и понимают целесообразность этого, тем не менее, им кажется, что нынешнее неофициальное существование адата, никоим образом не контролируемое не только республиканскими властными, судебными и правоохранительными органами, но даже федеральным Центром, может оставаться таким в течении многих десятилетий. Никто из них не пытается вспомнить недавнее прошлое, когда в 1920-е годы обращение к правовой традиции считалось уголовно наказуемым деянием, и те, кто применял адат и шариат, подвергались преследованиям. Поэтому, как мне кажется, современное отношение депутатского корпуса к адату и шариату во многом обуславливается реальной правовой свободой, сложившейся в КБР в последние годы. При первой же попытке федерального Центра установить контроль над правовой ситуацией в республике, общественно-политическая обстановка в КБР, безусловно, накалится и возникнет необходимость ввести специфические республиканские уголовные и гражданские кодексы.

Созданные в КБР в 1990-е годы общественные движения и органы общинного управления стремятся расширить применение норм адата. Так, 1990-е годы были ликвидированы созданные еще в конце 1920-х годов товарищеские суды и вместо них значительно расширена и активизирована деятельность сельских *советов старейшин.* Советы старейшин из 8-10 чел. занимаются рассмотрением случаев мелкого хулиганства[71]. Вместо сельских советов во многих селениях созданы органы самоуправления (*хасэ)*. В некоторых селениях они объединены с советом старейшин. По моему мнению, хасэ являются во многом искусственным органом, не играющим реальную роль в адыгской общине[72]. Есть в КБР и республиканская ‘‘*Адыгэ хасэ*‘‘, которая в качестве посредника, в частности, принимала участие в урегулировании кабардино-балкарских земельных конфликтов, возникших в 1990-е годы в связи с попыткой ряда лидеров Балкарского национального конгресса, апеллировавших к историческим корням заселения этого региона, пересмотреть территориальные границы кабардинских и балкарских селений[73].

К идее возрождения обычного права в последние годы обращаются и некоторые общественные движения КБР, например, *ветеранские организации*. Так, в декабре 1998 г. в Нальчике проходило совещание актива Кабардино-Балкарской ветеранской организации ‘‘О задачах ветеранских организаций и всего старшего поколения республики по возрождению национальных традиций, обычаев и улучшению воспитания подрастающего поколения‘‘. В совещании, проходившем под руководством заместителя председателя правительства КБР Хаути Сохрокова, принимали участие члены правительства КБР, главы администрации Нальчика и районов.

На совещании было отмечено, что в основе деятельности ветеранских организаций должно быть возрождение обычного права: адыгского - *адыгэ хасэ* и балкарского - *тау*, которое ‘‘считалось святым законом для каждого горца‘‘[74].

Под теми же лозунгами проходят и международные женские конгрессы, девиз которых *‘‘Белый платок на Кавказском мосту‘‘*. Горянки напоминают о бытовавшем в средние века обычае, когда пожилая, уважаемая в селении женщина могла сбросить со своей головы платок и кинуть его между участниками любого конфликта. Этот жест женщины заставлял мужчин прекратить ссору, драку или даже убийство. Делегатками обсуждалось, как повысить значение женщин в миротворческом процессе, добиться соблюдения их прав, определить их роль в сохранении национальных культур для будущих поколений и создании новой цивилизации на *Кавказском мосту*, под которым они понимают территории, расположенные между Каспийским и Черным морями[75].

В последние годы возникло движение за возрождение родовых организаций, за объединение однофамильных родов. Оно поощряется местной администрацией, которая видит в подобных сообществах полезную форму традиционного самоуправления. Родовые объединения бывают сельскими, республиканскими и адыгскими. Сельские родовые организации объединяют членов фамилий, проживающих в одном селении. Есть объединения, насчитывающие 10-20 дворов, а есть и более крупные. Так, в селении Исламей проживает 185 родов, среди них род Кажаровых объединяет 117 дворов, Загураевых - 81 двор, Малуховых - 77 дворов, Кабардовых - 76 дворов[76]. Республиканские родовые организации проводят встречи членов родов, проживающих в Кабардино-Балкарии. Кабардинские родовые объединения - однофамильцев со всего мира, включая тех, кто проживает в странах Ближнего Востока.

Анализируя варианты отношения к адату и шариату в КБР, можно отметить, что республиканские национальные движения, а именно - кабардинское и балкарское, в 1990-е годы в основном сосредоточились на борьбе за ‘‘возрождение‘‘ кабардинской и балкарской государственности, под которой горцы понимают прежде всего национально-территориальное устройство их жизни. Идеологи движений углубились в поиски исторических аргументов для обоснования взаимных территориальных претензий. Проблемы формирования правового плюрализма не занимали и не занимают в настоящее время лидеров обоих движений. В программах и деятельности правовые аспекты возникают лишь при постановке и попытке решения проблем, связанных с реабилитацией балкарского народа как репрессированного и с возрождением кабардинского народа, подвергшегося геноциду в период русско-кавказской войны.

Третью позицию, которую можно охарактеризовать как *федеральную*, занимает большинство депутатов Парламента КБР и республиканских чиновников (*федералы или государственники*). Они полностью поддерживают принципы федеральной государственной, в том числе и правовой, политики, и признают государственное право как единственно возможное для соблюдения порядка на Северном Кавказе. В силу этого свою законодательную или исполнительную деятельность они стараются основывать на соответствующих федеральных законах. Основным аргументом такой точки зрения является отсутствие,

по их мнению, у народа в настоящее время традиционного правосознания. Они убеждены, что советская судебная реформа за 70 лет настолько изменила правовые ценности кабардинцев и балкарцев, что можно говорить о преобладании в КБР российского правосознания в большей степени, чем это имеет место в других северокавказских республиках[77].

Сторонники этой позиции признают необходимость некоторого своеобразия правовой политики в республике, связанного в первую очередь со сложившимися социально-экономическими условиями. Так, в КБР остро стоит проблема земли. Численность населения республики неуклонно растет, а земельный фонд не увеличивается. В настоящее время в селениях при отделении старших сыновей от родителей далеко не всякий колхоз может предоставить им земельные участки для строительства домов. Федеральный парламент уже несколько лет пытается принять закон о частной собственности на землю. Применение его в КБР может привести к мощным социально-экономическим взрывам, поскольку отдельные богатые граждане в состоянии скупить сельские земли и лишить односельчан дополнительного, а в ряде случаев и единственного дохода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1990-е годы - период крушения советского режима, введения российского законодательства, изменения статуса северокавказских республик, осуществления частичной десоветизации всей судебно-правовой системы Кабардино-Балкарии - все это привело к созданию новой правовой ситуации в исследуемом регионе. Как мне представляется, она отчасти сходна с той, которая сложилась на Северо-Западном Кавказе в первое десятилетие советской власти. Как и в те годы, в настоящее время сформировались три позиции по отношению к будущему адата и шариата в этом регионе. Появились общественные и политические движения, которые начали призывать к открытому функционированию местного права. Среди различных точек зрения на адат и шариат в высших эшелонах республиканских властей, правоохранительных и судебных органах появилось мнение о возможности легализации отдельных норм адата и шариата. По-прежнему в исследуемом регионе есть лидеры, пытающиеся воспользоваться переходным общественно-политическим и экономическим периодом для расширения сферы шариата. Обращение к сохранившимся к настоящему времени нормам адата и шариата не скрывается: в республике уголовное преследование за обращение к ним не осуществляется.

Возникшие политические споры вокруг признания местного права во многом обуславливаются наличием правовой свободы и реальной (неформальной) правовой независимостью северокавказских республик от федерального Центра. Как мне представляется, на Северо-Западном Кавказе формирование правового поля в XXI веке будет зависеть от двух составляющих: характера правовой политики федерального Центра, которая либо будет про-

должать сохранять нейтралитет, либо создаст строгий правовой контроль, либо частично легализует нормы местного права, и характера правовой идеологии и политики республиканских властей, которые в исследуемом регионе будут подвергаться влиянию сторонников различных, подчас прямо противоположных точек зрения на будущее соотношение адата, шариата и российского права.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Moore S. F.* Social Facts and Fabrications: Customary Law on Kilimanjaro, 1880-1980. Cambridge, 1986; *Pospisil L.* The Anthropology of Law: A Comparative Theory of Law. N.Y., 1976; *Merry S. E.* Legal Pluralism // Law and Society Review. Vol. 22. N 5. 1988. P.869; *Benda-Beckmann K.* Why Bother about Legal Pluralism? Analytical and Policy questions: an introductory address // Newsletter. Commission of Folk Law and Legal Pluralism. N39. 1997.
2. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 236.
3. *Першиц А.И., Смирнова Я.С.* Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. N 1; *Тишков В.А.* Вперед, назад или в никуда? Северный Кавказ: проблемы и политика // "*Независимая газета*". 22.01.1998.
4. Полевые материалы автора. Архив Института этнографии и антропологии (далее - АИЭА). Тетр.4. Оп.3. Д.3; Оп.4. Д.2; Оп.1. Д.2; Оп.4. Д.1-2; Оп.9. Д.3; Оп.7. Д.1; Оп.8. Д.4.; Тетр.2. Оп.7. Д.17, Оп.8. Д.18; Тетр.1. Оп.1. Д.5-6; Оп.2. Д.7.
5. Там же. Тетр.4. Оп.7. Д.2; Оп.8. Д.4; Оп.6. Д.1.
6. Там же. Тетр.2. Оп.7.Д.17; Тетр.4. Оп.2. Д.2.
7. Там же. Тетр.1. Оп.2. Д.4-6; Оп.4. Д.11.
8. Там же. Оп.1. Д.1, 5-6; Оп.4. Д.11; Тетр.2. Оп.7. Д.17; Оп.6. Д.16.
9. Там же. Тетр.1. Оп.3. Д.10; Оп.1. Д.3-4.
10. Там же. Тетр.4. Оп.8. Д.4; Оп.5. Д.1; Оп.7. Д.2, Оп.1. Д.2; Оп.3. Д.3; Оп.4. Д.2; Оп.9. Д.3; Тетр.1. Оп.1. Д.5-6.
11. Там же. Тетр.4.Оп.5. Д.1; Оп.2. Д.2; Оп.7. Д.1-2; Оп.1. Д.2; Оп.3. Д.3; Оп.4. Д.2; Оп.7. Д.2; Оп.6. Д.1; Оп.8. Д.4; Тетр.1. Оп.1. Д.4; Оп.4.Д.11, Оп.2. Д.9.
12. Архив Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики (далее - Архив ВС КБР). Д. 613, 8809, 22041.
13. Полевые этнографические материалы автора (ПЭА). Тетр.4. Оп.4. Д.1; Оп.7. Д.2.; Тетр.1. Оп.1. Д.2,.5-6; Оп.4. Д.12; Тетр.2. Оп.7. Д.17;. Оп.1. Д.5.
14. Архив ВС КБР. Д. 2431.
15. Там же. Д.1502, 3517/647.
16. Там же. Д. 10032, 686-а.
17. Там же. Д.2260.
18. Там же. Д.2608, 2624, 4037.
19. Там же. Д. 10/60, Л. 101.
20. АИЭА. Тетр.4. Оп.4. Д.1-2; Оп.5. Д.1; Оп.8. Д.4; Оп.2. Д.2; Оп.7. Д.2.
21. Там же. Тетр.5. Оп.1. Д.1; Тетр.1. Оп.2. Д.7; Оп.1.Д.1; Оп.4. Д.11; Тетр.2. Оп.6. Д.16; Оп.2. Д.2; Оп.3. Д.3; Оп.8. Д.18; Тетр.4. Оп.7. Д.1; Оп.6. Д.1; Тетр.2. Оп.4. Д.2; Оп.7. Д.17.
22. Архив ВС КБР. Д. 3672, Л. 86-86 об., 21-0773.
23. Там же. Д. 9/75.
24. Там же. Д. 2-33.
25. Там же. Д.21-06-9.
26. Там же. Д.21-03-14.
27. ПЭА. Тетр.2. Оп.6. Д.16; Тетр.1. Оп.1. Д.4; Оп.4. Д. 12.
28. Архив ВС КБР. Д.2210. Л.379.
29. ПЭА. Тетр.2, Оп.1, Д.10.
30. АИЭА. Тетр.1. Оп.1. Д.3,4; Оп.4. Д.12; Тетр.2. Оп.7. Д.17; Оп.6. Д.16; Оп.7. Д.17.
31. Там же. Тетр.1. Оп.1. Д.2,.5-6; Оп.2. Д.7, Оп.3. Д.10; Оп.4. Д.12; Оп.5. Д.14; Тетр.2. Оп.7. Д.17; Оп.10. Д.20; Оп.6. Д.16; Оп.8. Д.18; Тетр.4. Оп.4. Д.1; Оп.7. Д.2.
32. *Емельянова Н.* Мусульмане Кабарды. М., 1999. С.80, 86-87, 90-91, 95.
33. ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.3.
34. Там же. Тетр.1. Оп.1. Д.1-2; Тетр.2. Оп.1. Д.3, 9.
35. Там же. Тетр.2. Оп.1. Д.13.
36. Там же. Тетр.1. Оп.1. Д.1-3.
37. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С.179-180.
38. ПЭА. Тетр.1. Оп.1. Д.1, 3-4; Тетр.2. Оп.1. Д.9.
39. Там же. Тетр.1. Оп.1. Д.2.
40. *Емельянова Н.* Указ.раб. С.99, ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.12; Боров А.Х. и др. Указ.раб. С.179-180.
41. Там же. Тетр.1 Оп.1. Д. 2-3; Тетр.2. Оп.1. Д.9.
42. Там же. Тетр.2. Оп.1. Д.4, 8, 9; Тетр.1. Оп.1. Д.2-4.
43. *Санэ Л.* Ислам: погребальные обряды // "*Хасэ*". N 6. 1998: его же. Я б имел трех жен // Там же; ПЭА. Тетр.1. Оп.1. Д.1-4, Тетр.2. Оп.1. Д.9.
44. ПЭА. Тетр.1. Оп.1. Д.3, 9, Тетр.2. Оп.1. Д.9.
45. Там же. Тетр.2. Оп.1. Д.12, 9.
46. Там же. Тетр.2. Оп.1. Д.9.
47. Там же. Тетр.1. Оп.1. Д.2, 3, Тетр.2. Оп.1. Д.9; *Санэ Л.* Ислам...; его же. Я б имел...
48. ''*Советская молодежь*''. N 10. 1998.
49. ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.9.
50. Там же. Тетр.1. Оп.1. Д.2.
51. *Боров А.Х.* и др. Указ.раб. С.179-180.
52. ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.10.
53. *Барамия А.И.* Предупреждение преступлений... С.24.
54. ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.5, 7, 10.
55. Там же. Д. 21-06-19, 1520.
56. *Диасамидзе Г.И.* Убийство на почве кровной мести по советскому уголовному праву (по материалам Аджарской АССР). Дисс... канд. юрид.наук. Свердловск, 1974. С.138.
57. *Барамия А.И.* Борьба с преступлениями против жизни и здоровья. Дисс... канд. юрид. наук. Москва; Сухуми, 1965 С.124.
58. Архив ВС КБР. Д. 2210, 2-44, 2801, 10/67, 5372, 21-05-22. Т.1-2; ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.5; *Барамия А.И.* Борьба с преступлениями... Дисс.С.6.
59. Архив ВС КБР. Д. 12/300, Л.352; 2-44, Л.149.
60. Там же. Д. 2-33.
61. Там же. Д. 10/60, 1360.
62. ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.3.
63. Там же. Тетр.2. Оп.1. Д.1.
64. Там же. Тетр.2. Оп.1. Д.10.
65. Там же. Тетр.2. Оп.1. Д.5.
66. ''*Советская молодежь*''. N 10. 1998; ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.9.
67. ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.3, 8.
68. ''*Кабардино-Балкарская правда*''. N 125. 1998.
69. ПЭА. Тетр.2. Оп.1. Д.2, 6.
70. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1999, N 18, Ст.2208.
71. ПА. Тетр.2. Оп.7. Д.17; Оп.5. Д.14, 13; Оп.3. Д.10.
72. Там же. Тетр.1. Оп.1. Д.4; Оп.5. Д.13; Оп.2. Д.7.
73. Подробнее об этом см.: *Бабич И.Л.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. М., 1995.
74. ''*Советская молодежь*''. N 51. 1998.
75. ''*Кабардино-Балкарская правда*''. N 45. 1996.
76. ПЭА. Тетр.1. Оп.1. Д.2.
77. Там же. Тетр.2. Оп.1. Д.11.